

Д. С. Лавринович (г. Могилев)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ И БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА XX в.: «ИМПЕРСКИЙ» АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Важным направлением современной историографии является исследование общественно-политической жизни и деятельности политических партий начала XX в. с позиций изучения Российской империи как единого и неразрывного комплекса политических, социальных, экономических и культурных отношений. «Имперский поворот» произошел на VII конгрессе Международного совета по центрально- и восточноевропейским исследованиям, проходившем в Берлине в июле 2005 г. Американским историком У. Розенбергом была сделана установка на изучение Империи как динамической системы. Форматом для подобных исследований должно стать изучение отношений между исторически возникающими проблемами, связанными с принятыми в этом регионе имперскими практиками и их восприятием, и имеющимися в наличии набором возможностей для их разрешения [1]. Японский исследователь К. Мацузато пришел к выводу о принципиальном значении «империологии» для понимания специфики такого сложного и многообразного явления как «славянская Европа» [1, с. 466].

Британский историк Р. Пирсон разрушает образ Российской империи как «тюрьмы народов», обращает внимание на неоднозначность термина «русификация» и на приниженное положение самого «русского» народа (великороссов, белорусов и украинцев) в державе Романовых. В итоге, делает он вывод, в последние десятилетия существования царизма сложился более агрессивный и имевший большую социальную базу русский национализм, стремившийся побудить правительство более последовательно реализовывать принципы «Россия для русских» и «единая и неделимая Россия» [2, с. 42]. Американский историк Э. Лор также акцентирует внимание на усилении идей русского национализма как в политике властей, так и среди населения в начале XX в., особенно в годы Первой мировой войны. Ученый подчеркивает, что начавшись с временных мер, призванных обеспечить безопасность тыла, эта политика переросла в широкомасштабную кампанию «национализации империи» [3]. Польский историк Я. Кеневич отмечает, что царские власти в западных губерниях понимали необходимость интенсивных действий, направленных на интегрирование Народа (имеется в виду местное восточнославянское население) в концепцию российской государственности, прежде чем он станет Нацией – необязательно польской. Врагом становилась любая нерусская интеллигенция в Северо-Западном крае [4, с. 138]. По мнению же российского исследователя М.Д. Долбилова именно на окраинах Российской империи, в частности, западных, люди с русской идентичностью более обостренно осознавали свою русскость, находясь постоянно в окружении местной польскоязычной элиты [5, с. 77].

Мысль Д. Сталюнаса о том, что многим из российских чиновников в 60-е гг. XIX в. принципы современного национализма были чужды, а главной их заботой была «деполонизация», т. е. уничтожение предпосылок к новому польскому «мятежу» верна и по отношению к ситуации начала XX в. [6]. Многие октябристы стояли на антипольских позициях лишь потому, что в поляках видели союзников русских революционеров по борьбе с самодержавием, потенциальных «мятежников». Во многих документах местных отделов «Союза 17 октября» речь шла о борьбе именно с польским политическим влиянием, политической польской нацией, состоявшей в основном из экономически господствовавшей в крае польскоязычной шляхты, пользовавшейся поддержкой костела, а не с поляками как особой этнокультурной группой населения. К. Мацузато акцентирует внимание на использовании проправительственными силами в западных губерниях Российской империи принципа «разделяй и властвуй», провоцировании крестьян на борьбу против «польских латифундий» и «еврейского паразитизма» при одновременном заявлении, что только правительство способно защитить польское землевладение и еврейский капитал от посягательства со стороны народных масс [7, с. 128]. В деятельности среди местных монархистов, в частности октябристов, не было единой линии поведения по отношению к полякам и евреям. Так, если минские сторонники «Союза 17 октября» во главе с Г.К. Шмидтом занимали откровенно антипольскую позицию, то в Могилеве в рамках прогрессивной партии, на базе которой и возник отдел партии октябристов, объединились как русские, так и польские помещики. Не было однозначным и отношение к еврейским либеральным партиям, т. к. известно, что во время выборов во II Государственную думу виленские октябристы рассматривали возможность заключения предвыборного блока с еврейским избирательным комитетом (прокадетским) для противодействия полякам.

Можно дополнить вывод К. Мацузато о том, что «обрусение» в XIX в. означало «восточную славянизацию», но не «русификацию» в современном смысле слова. Белорусы, по аналогии с украинцами, не могли быть объектом «обрусения», т. к. они согласно официальной точке зрения были русскими изначально. Их русификация, таким образом, означала освобождение от векового польского влияния. Также по аналогии с Правобережной Украиной: чем больше белорусские губернии «русифицировались», т. е. ослаблялись позиции поляков, тем быстрее развивалось белорусское национальное движение [7, с. 142]. Можно согласиться с мнением С.Н. Токтя, что объективно белорусская национальная идентичность имела наиболее благоприятные шансы для успешного распространения среди интеллигенции крестьянского происхождения, в основном народных учителей. При этом необходимым условием для перехода из крестьянского состояния в учителя было усвоение русского литературного языка, обучаясь в государственных школах и учительских семинариях. Возвращаясь в деревню уже в новом качестве, народные учителя становились проводниками не только русской культуры, понимаемой как общая культура всех восточных славян, но и главными агитаторами белорусского движения в крестьянских массах. Но если С.Н. Токтя указывает в качестве примера Я. Коласа [8], предшественника революционного направления в общественном движении, то, не с меньшим основанием, эта мысль относится и к деятелям «Белорусского общества», особенно после 1911 г., а также белорусских либеральных организаций, существовавших в 1917–1918 гг. (Союзу белорусской демократии, Белорусскому народному союзу).

В ходе общественно-политического дискурса к 1914 г. в среде белорусских общественных организаций и групп сформировалось два основных варианта видения национального развития белорусского народа в XX в., которые предусматривали определенную систему политических, социально-экономических и культурных мероприятий. Первый проект отстаивали общественные деятели, которые объединились вокруг издания в Вильно газеты «Наша Ніва» (1906–1915), большинство из них в прошлом были активными деятелями Белорусской социалистической громады. Они добивались равноправия всех наций, снятия конфессиональных ограничений, сводного употребления местных языков в делопроизводстве и системе образования, реализации права наций на самоопределение. Будущее белорусского народа представлялось в виде нацио-

нальной автономии в составе демократической федеративной Российской республики [9, с. 14–15]. После оккупации западных губерний Российской империи германскими войсками, оставшиеся в Вильно «нашеневцы» пытались обосновать необходимость создания конфедеративного государства белорусов, литовцев и поляков, в рамках которого хотели достигнуть независимости от России.

Однако эта идея не встретила сочувствия у большинства литовских и польских политиков, взявших курс на создание национальных государств.

По иному видели будущее белорусов представители «Белорусского общества», существовавшего в Вильно в 1908–1915 гг. В основе их представлений лежало признание белорусов отдельной ветвью единого русского народа, имеющей свои особенности, обусловленные различными факторами, и, прежде всего, историей, интересы. Признавалось значительное культурное развитие Белорусского края в средние века, но применительно к ситуации начала XX в. белорусы рассматривались, главным образом, как крестьянский народ, утративший свою элиту. В связи с этим белорусский язык считался архаичным и не пригодным к общественной жизни, будущее признавалось за русским языком, культура Белоруссии включалась в единое для всех восточных славян культурное поле. Особое внимание уделялось борьбе с «польщиной», расползанию костела. По социально-политическим и экономическим вопросам «Белорусское общество» выступало с позиций, близких сначала октябристам, а затем кадетам [10, с. 282–283].

В феврале – марте 1917 г. в России произошла революция, свергнувшая царское правительство. В Минске на съезде белорусских общественных деятелей был образован Белорусский национальный комитет, реорганизованный в лето 1917 г. в Центральную раду, а в октябре того же года – в Великую Белорусскую раду. Основу национальной платформы данных организаций составила программа Белорусской социалистической громады, а также программы сотрудничавших с ней партий белорусских народных социалистов, автономистов и других. Лидеры громады добивались от Временного правительства полного самоуправления Белоруссии, передачи власти в руки Краевой рады, которая должна была сформироваться на основе всеобщих выборов. Таким образом, несмотря на существенное изменение ситуации после свержения царского правительства, представители «нашеневского» направления в белорусском движении выступали за национально-территориальную автономию Белоруссии в составе демократической России. Данная идея была поддержана и большинством делегатов I Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. Только после оккупации основной части Белоруссии германскими войсками в 1918 г. возобладала идея создания независимого от России национального государства – Белорусской народной республики. Но связав себя с Германией, деятели республики вместе с ней потерпели поражение.

На позициях западнорусизма в 1917–1918 гг. стояли как организации наследовавшие «Белорусскому обществу» и местным отделениям партии октябристов (гомельский Союз белорусской демократии, витебский Белорусский народный союз), так и новые, по общеполитической программе близкие к российским эсерам (могилевский Белорусский комитет, Белорусский народный комитет в Орше и другие). Западнорусов объединяла борьба за мирное социально-экономическое и культурное развитие края, областную автономию белорусских губерний при сохранении тесных связей с Россией.

Объективно деятельность западнорусов способствовала формированию условий для создания белорусской государственности при сохранении восточнославянского единства в общественно-политической, социально-экономической и культурной сферах. Но в условиях, когда большая часть политически активного населения региона и войска Западного фронта поддерживали социалистические партии, выступавшие за коренную ломку сложившихся отношений, и захвата власти большевиками, вариант преобразований, предложенный западнорусами, не мог быть реализован. Их организации постепенно сошли с политической сцены.

В итоге после окончания Первой мировой войны наибольшие шансы на реализацию получил проект создания белорусской советской государственности, который и был осуществлен.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Имперский поворот» на VII конгрессе Международного совета по центрально- и восточноевропейским исследованиям, Берлин, июль 2005 г. // *Ab Imperio*. – 2005. – № 3. – С. 442–469.
2. Пирсон, Р. Привилегии, права и русификация / Р. Пирсон // *Ab Imperio*. – 2003. – № 3. – С. 35–56.
3. Лор, Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Э. Лор; пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 304 с.
4. Кеневич, Я. Интеллигенция и империя / Я. Кеневич // *Ab Imperio*. – 2011. – № 1. – С. 131–162.
5. Долбилов, М. «Западные окраины Российской империи» и проблема сравнительного изучения окраин / М. Долбилов // *Ab Imperio*. – 2008. – № 4. – С. 390–404.
6. Сталюнас, Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на Западных окраинах в период Великих реформ / Д. Сталюнас // *Ab Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 261–292.
7. Мацузато, К. Польский фактор в Правобережной Украине с XIX по начало XX века / К. Мацузато // *Ab Imperio*. – 2000. – № 1. – С. 123–144.
8. Токть, С. Латиница или кириллица: проблема выбора алфавита в белорусском национальном движении во второй половине XIX – начале XX века / С. Токть // *Ab Imperio*. – 2005. – № 2. – С. 297–319.
9. Сташкевіч, М.С. Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – пачы 1917 г.) / М.С. Сташкевіч // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 1999. – № 4. – С. 13–19.
10. Лавринович, Д.С. Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918 гг.) / Д.С. Лавринович. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – 336 с.: ил.